

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ

ЛЕСКОВ

ХРИСТИАНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

русская классика

Annotation

Автор «Левши», «Очарованного странника» и «Леди Макбет Мценского уезда» с детства отличался большой религиозностью, но вот его отношение к православной церкви было в лучшем случае критическим – Лесков считал, что церковь лишь отвлекает прихожан от истины Христовой. Неудивительно, что сборник «Христианские легенды» посвящен жизни ранних праведников, живших в Египте и странах Ближнего Востока. Герои сборника – старцы и отшельники, прекрасные девы и влюбленные юноши, они любят и страдают, ищут истину и становятся свидетелями настоящих чудес, но прежде всего все они истово верят в Бога и обретают его в своей душе.

- Николай Семенович Лесков
  -
  - Гора
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
  - Конец ознакомительного фрагмента.
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15

Николай Семенович Лесков
Христианские легенды

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Гора
Египетская повесть
(По древним преданиям)

Этот анекдот совершенно древний. Такой случай нынче не сбыточен, как сооружение пирамид, как римские зрелища – игры гладиаторов и зверей.

Египетские ночи.

Глава первая

Очень давно в Александрии египетской, при римском господстве, жил знаменитый и славный художник, по имени Зенон. Он с необыкновенным, тонким искусством делал из серебра и золота роскошную утварь и художественные вещи для женских уборов. По роду своих занятий он назывался «златокузнец». Происходило это в то время, когда в Александрии, в тесном друг с другом соседстве и в близком общении по делам, жило много людей разных вер, и всякий почитал свою веру за самую правильную и за самую лучшую, а чужую веру не уважал и порицал. Были также и такие, которые, чтобы жить в мире и тишине, не оказывали свою веру, а держали ее в себе тайно и ни в какие споры не вступали.

Зенон златокузнец был потаенный христианин, но община александрийских христиан его своим не считала, и сам он держался от нее в отдалении. Ему было удобнее не сообщаться, потому что, наученный христианству каким-то сирийским зашельцем в Египет, Зенон не о всем мыслил совершенно так, как принято было без рассуждения другими христианами в Александрии. Поэтому и те немногие из открытых христиан, которые знали Зенона, почитали его стоящим на ложном пути; он к ним насильно не шел, но никогда с ними и не спорил, а жил сам по себе в отдалении, в тихом, прохладном загородном урочище за палестрою[1], на дынных огородах.

По художеству, которое тогда называлось «златокузнею», Зенону не было равного – не только в Александрии и в Фивах, но и в целом Египте. Браслеты, стежки и головные уборы работы Зенона славны были даже в Антиохии. Все именитые женщины обоих этих роскошных городов наперебой непременно хотели иметь украшения, сделанные этим искусным мастером. Евреи из Антиохии делали ему большие заказы и, забирая себе его «златокузню», увозили его художественные произведения в свой город и там продавали по чрезвычайно высокой цене и наживали большие выгоды. Зенон был очень досуж и трудолюбив, но при всем том он не успевал исполнять всех делаемых ему заказов, и недосуг его простирался до того, что он не имел даже времени ни для каких удовольствий, и часто ему некогда

было даже о себе подумать. Ему шел уже тридцать первый год, и он имел хороший достаток для того, чтобы жить безнуждно с семьею, а он все еще ходил холостой, был совершенно одинок и жил в своем уединенном, но хорошо устроенном доме за дынными огородами. В прислуге у него для помощи был один непомерной силы персианин, который был ему беззаветно преданным и верным слугою, хотя сам этот человек был язычник и ходил совершать таинства Митры.

Зенон был домосед и на свободе любил читать и размышлять о высоких вопросах. Проработав целый день, он только вечерами выходил за порог своей мастерской, садился на каменную скамейку под широколистным платановым деревом и отсюда любовался вечерним закатом красного солнца за купы деревьев, читал сочинения о высоких предметах или катался по Нилу, сам управляя своею баркой под клетчатым шелковым парусом. По всем домашним делам Зенона в город ходил и справлял их персианин, однако в Александрии все знали Зенона, не исключая лиц именитых, и многие почитали за честь быть с ним в знакомстве, так как он в своем роде тоже был знаменит, – но Зенон был скромен и от почета всегда удалялся. Богатые щеголихи Александрии шли наперебой одна перед другою, чтобы иметь Зенона себе для услуг, и платили очень дорого, лишь бы только перещеголять друг друга, но их было много, а Зенон один, и потому это не помогало. Всем Зенон не мог услужить.

Тогда одна знатная дама вздумала присвоить себе искусство художника иначе.

Глава вторая

В Александрию приехала из Антиохии одна молодая и чрезвычайно красивая вдова, по имени Нефорис, или Нефора. Она была очень богата и до того избалована, что не знала меры своим прихотям и не переносила никакого возражения и отказа. Воздерживаться и останавливаться в осуществлении каких бы то ни было желаний было для нее так несносно, что она об этом не хотела и думать, а цель ее, по приезде в Александрию, прежде всего заключалась в том, чтобы превзойти своею пышностью всех самых роскошных александрийских красавиц. Отказаться от этого суетного желания Нефора не согласилась бы ни за что на свете, так как вся Антиохия знала ее за самую изящную красавицу, которая своею роскошью и увлекательностью затмевала собою всех иных прекрасных женщин, блиставших красой и нарядами на празднествах в роще Дафны[2]. Наряды Нефоры были прелестны, но чтобы сделать их еще более замечательными, она захотела иметь самый лучший, выкованный из золота убор, какой носили щеголихи в Александрии, но только непременно, чтобы он был лучше, чем все подобные уборы, какие до сих пор были сделаны. Она послала за Зеноном, но Зенон отказался прийти, сказав, что ему недосужно. Нефора послала за ним второго посла и велела ему обещать Зенону такую плату, какую сам он захочет, но Зенон ответил послу: «Скажи твоей госпоже, что я работаю, сколько могу, и сверх силы моей не принимаю заказов. Всем угодить я не успею, а наблюдаю очередь, и никакая богачка не может предложить мне ничего такого, что заставило бы меня отступить от справедливого порядка».

Когда посланные к Зенону во второй раз возвратились без успеха и передали ответ художника Нефоре, то эта избалованная и непривычная ни к каким возражениям модница впала в ужасную гневность и дошла до такого безумия, что велела подвергнуть безжалостному наказанию рабов, которых посылала к Зенону, а для себя приказала сейчас же оседлать белого мула и приготовить ей длинное и густое покрывало, в которое могла быть завернута вся ее фигура с головою.

Нефорис решилась сама отправиться к Зенону и во что бы то ни стало принудить художника сделать для нее самую красивую золотую диадему с самыми тонкими и изящными цепочками, скованными легко и усаженными перлами одной величины и одного цвета.

Оба приказания Нефоры были исполнены в точности: рабы ее, ходившие без успеха к Зенону, были наказаны ударами воловьей жилы, а ей был подан белый мул, покрытый роскошным ковром, с уздою из переплетенной широкой зеленой и желтой тесьмы, с золотистою сеткой на челке и с длинными кистями вместо вторых поводьев. У этих поводьев стоял немой сириец из Тира, в ярко-красной, до пят его достигавшей, длинной одежде.

Нефора села на своего мула, и красный сириец повел красивое животное за поводья, не зная, куда его госпожа отправляется. Он только оглядывался на свою госпожу при поворотах и распутьях и следовал мановению ее опахала.

Глава третья

Как сказано выше, Зенон, удаляясь от шума, жил за городом в уединенной красивой местности, до которой было весьма далеко от жилища Нефоры. Дорога сюда шла сначала городом, потом тенистою аллеей, по которой не затихало очень сильное движение. Нефоре встречались рабы, несшие в паланкинах женщин, ее с грохотом обгоняли парные колесницы на мулах и на рослых конях с подстриженными гривами, а потом путь становился безлюдней и тише. Тут Нефора почувствовала свою неосторожность: она не знала дальше дороги к жилищу Зенона.

От аллеи начинались мелкие свертки по тропинкам в удолья[3], утонувшие в платановых рощах. У одного из этих свертков под ветвистым деревом сидел старый амаликитянин[4] и ел дыню; возле него жевал свою жвачку такой же старый верблюд. Нефора спросила у амаликитянина, не знает ли он, где живет Зенон златокузнец.

– Я не здешний, – отвечал амаликитянин, – но поезжай далее, и ты увидишь под деревом девочку, которая пасет коз, – та здесь живет и всех знает – она тебе может сказать о том, кто тебе нужен.

Нефора дала знак сирийцу, и тот повел ее мула дальше.

Вскоре они увидали широколиственное дерево, под которым паслись четыре желтые козы, и посреди их сидела на траве простоволосая босая девочка в грубой рубашке из холста коричневого цвета.

Нефора спросила ее о Зеноне.

Босоногая девочка тряхнула своими синими кудрями и отвечала:

– Конечно, я знаю, где живет красивый и добрый Зенон. Я ношу ему молоко от наших коз, и он часто дарит мне дыни и виноград из своего сада. Ни добрей, ни красивей Зенона нет человека на свете. Поверни вправо по третьей тропинке, и ты увидишь поляну, с которой вдали заблестят воды Нила, а перед тобою прямо будет сад, в том саду белый дом с пестрою крышей и большой медный аист над входом, – это и есть жилище Зенона.

Нефора взяла указанное ей направление, но опять скоро смешалась в извивах тропин и могла заблудиться. По счастию, ей

встретился человек мрачного вида, с треугольным шрамом на лбу и с большою корзиной, в которой видны были плоды, фляга с питьем и большая красная рыба. Нефора спросила его о Зеноне, а человек ей отвечал:

– Я служитель Зенона, но я не могу возвратиться, чтобы проводить тебя к нему, потому что я поспешаю соединиться с своими единоверцами – мы идем справлять таинство Митры. Господин мой меня отпустил послужить моей вере и остался теперь один в своем доме. Обогни тот большой куст роз, и ты увидишь дорожку, которая прямо приведет тебя к его дому. Зенон теперь один, он занят работой, но дверь в его мастерскую открыта.

Сказав это, перс показал ей, как надо проехать через поляну, где зрели ароматные дыни, и Нефора, проехав меж сирени, жасминов и роз, увидала вдали, как катил воды Нил, а вблизи, в чаще кустов, стоял белый домик, и на нем, как живой, медный аист на белом фронтоне. Вокруг было все тихо; синее небо расстилалось как ровно покрытый шатер; солнце горело, в воздухе стоял зной; на белом карнизе рядком сидели и пели черные дрозды. Вокруг дома было множество лилий и роз, а у самых стен и у белого мраморного порога лежали целые пласты зеленого диарита[5]. Здесь было свежо, тихо и целомудренно: здесь жил художник.

Усталая от далекого переезда и от жара, Нефора сошла с седла и отослала мула и провожатого вдаль под дерево, а сама осталась перед открытою дверью Зенона. Теперь она, не переступая порога, могла видеть всю его мастерскую. Это была очень большая и высокая квадратная комната без окон; мягкий свет проникал в нее через потолок, сквозь фиолетовую слюду, отчего все вещи казались обвитыми как будто эфирною дымкой. Посередине комнаты на полированном красном порфире красовался бронзовый ибис, и из его клюва струилась свежая вода; стены окружены были колоннами и ровно окрашены красновато-коричневою краской, на которой резко выделялись белые мраморные и лепные фигуры, изображавшие людей и животных. Здесь были и легкие маски женщин, и тяжелые головы фараонов, и задумчивые морды верблюдов, и хищные пасти крокодилов. Зенон, как большинство художников того давнего времени, знал не одну златокузню. Подобно известному со времен Амазиса художнику Феодору[6], Зенон был и архитектор, и

плавильщик, и лепщик, и ваятель, и во всем он был мастер, и знаток, и любитель всякого изящества, о чем и не мудрено было заключить по его жилищу, перед которым теперь стояла Нефора, вдыхая оттуда прохладную свежесть и аромат, разливавшийся из красивых, яркою поливой покрытых тазов, в которых рос золотистый мускус и напоял всю атмосферу своим запахом. Посреди всех художественных произведений искусства, наполнявших покой, стоял сам художник.

Глава четвертая

Напомним, что Зенону шел тридцать первый год. Он родился в Милете от красивой гречанки и галла. Природа дала ему стройный стан, сильные руки, огромную массу белокурых волос и огненные черные глаза, в которых светилась самая пленительная доброта и благородная твердость. Он был в длинном хитоне из мягкой шелковой материи серого цвета, с бледно-розовыми кружками по краю; ноги его были обуты в легкие желтые сандалии, а буйные русые волосы схвачены тонким золотым обручиком с бирюзою на лбу.

Он стоял спиной к двери, облокотясь на подставку, на которой лежала глыба глины для лепки, и рассматривал с сосредоточенностью деталь своей модели.

– Зенон! – позвала его Нефора.

Он вздрогнул и оборотился. Нефора нашла, что лицо его прекрасно, и переступила к нему за порог в его мастерскую.

– Ты не должен сердиться, что я прихожу к тебе, художник. Меня привлекла к тебе твоя слава. Женщин влечет к себе слава, а ты славный художник. Я не здесь рождена и никогда тебя не видала, но слава твоя мне известна. У меня есть тоже слава моя, которая не стоит твоей: в Антиохии меня называли «звездою между красавиц», но я прихожу к тебе за советом: помоги мне, художник!

– В чем нужна тебе моя помощь?

– Прежде всего позволь мне быть твоею гостьей и дай отдохнуть мне у тебя от несносного зноя.

– Входи и будь моею гостьей.

Нефора вошла, сняла покрывало и села в широкое кресло, покрытое кожей пантеры.

Застигнутый так внезапно врасплох, «златокузнец» сразу ощутил себя как бы во власти посетившей его бойкой и настойчивой гостьи. Он подал воды ей и положил к ее ногам мягкую подушку, а сам стал перед нею и смотрел на нее, сложив свои руки на груди среди мягких складок хитона. Его поразила замечательная красота Нефорис, которая, спустив покрывало, явилась одетой так изящно к лицу, что природная прелесть ее лица блистала еще ярче. Небольшая на круглой

шее головка Нефоры была покрыта широким и тонким кефье[7] в голубых и белых полосах: мягкие складки этой искусно положенной, изящной повязки облегали, как воздух, ее лицо и черно-синие кудри. Кефье было перевязано желтым шнуром. Уши, руки и пальцы Нефоры были украшены серьгами, кольцами и браслетами, а на стройной шее лежало золотое ожерелье из множества мелких цепочек, и на конце каждой из них дрожали жемчужные перлы. Ресницы Нефоры были подведены по египетской моде, концы пальцев слегка подрумянены, а тонкие ногти напудрены розовым перламутром. Гибкий стан Нефоры схватывала легкая туника полосатой материи – розовой с белым, а вместо пояса ей служил золотистый шелковый шнур, у одной из кистей которого висело маленькое зеркальце и такой же маленький сверленый из самоцветного камня флакон с пахучею индийскою эссенцией. Но всего больше поражало необыкновенно живое и изменчивое выражение ее нежного и страстного лица, линии которого так часто менялись, что, казалось, их совсем уловить невозможно.

Усевшись небрежно в кресло, Нефора, не ожидая расспросов хозяина, сама рассказала ему, в чем ее надобность. Она сказала, что желает во что бы то ни стало иметь к предстоящей палестре самую изящную диадему работы Зенона, а он ей отвечал, что это невозможно, ибо все время его до предстоящей палестры уже распределено им для исполнения других, ранее полученных заказов.

– А правду ли ты это говоришь? Можешь ли ты мне сказать: для кого именно ты теперь взялся работать?

– Я думаю, что это я вправе сказать, – отвечал неосторожно художник и назвал Родопис и Сефору, тех самых, которых всех сильнее Нефора желала превзойти своею красотой, появясь в первый раз на александрийской палестре.

– Родопис и Сефора! – воскликнула Нефора. – Неужто же я меньше их стою в очах человека, который способен ценить изящное в мире?

– Человек прежде всего должен исполнять то, что составляет его долг.

– Долг художника служить красоте, и я тебе даю к тому наилучшее средство. Зачем ты будешь напрасно тратить талант свой для плосколобой Родопис и скуластой Сефоры? Им все равно искусство твое не поможет, и они в диадемах твоих не станут изящней;

но укрась ты Нефору, приложи красоту убора к ее красоте – и палестра забудет ристанье[8], а заплещет моей красоте и твоему искусству, художник.

И когда Нефора увидала, что художник ей внимает, то она, чтобы не дать ему опомниться и еще сильнее преклонить его на свою сторону, решилась не выйти от него без того, чтобы не принудить Зенона изменить данному слову и тем более восторжествовать над Родопис и Сефорой. Нефора решила не только умолять Зенона и льстить ему вниманием и лаской, но даже прямо прельщать его своею красотой, с тем чтобы довести его до страстного увлечения и купить у него предпочтение себе хотя бы даже ценою своей чести.

«Тогда, – думала она, – он перестанет отказываться, и чего не хочет сделать мне за большие деньги, то сделает без всякой денежной платы, как для своей любовницы. Я этого желаю… У меня будет убор всех изящнее, а вреда чести моей от этого никакого не будет, потому что, наверное, никому даже и на мысль не придет, чтобы я, самая первая красавица, молодая и богатая вдова Нефорис, брака с которой искало и ищет столько знаменитых людей, отдалась из-за выгод уроженцу Милета… Никто не поверит, что я отдала себя златокузнецу за то, чтобы иметь его златокузню… чтоб унизить ею соперниц… Да, этому никто не поверит, и я тем смелее на это решаюсь».

К тому же… Зенон был красив и…

Нефора вдруг ощутила над собой его обаянье.

Все до сих пор искали внимания ее, – и вот человек, кого*она ищет*… Она предлагает себя… Она себя *продает*…

Это ей ново, и дико, и страстно желанно.

Нефора не размышляла, или ее рассудок был слишком сговорчив и вел ее к достижению того, чего ей желалось.

«Все равно я должна буду выйти замуж за какого-нибудь вельможу, которого я не буду любить, а пока я свободна, не вольна ли я сама располагать собой как хочу? Я хочу, я могу, я желаю здесь, в этой тиши, внезапно купить себе ценою своей красоты услуги красавца Зенона. Так, мой художник! тебя ничто не спасет от соблазна моей красоты, и торжество мое над тобой неизбежно».

И Нефора, нимало не медля, начала стремиться к тому, чтобы осуществить свое намерение.

Глава пятая

Она сказала Зенону:

– Хорошо, я не хочу настаивать, чтобы ты портил твой честный обычай, но ты можешь помочь мне, оставаясь господином своих обещаний, которые дал Родопис и Сефоре.

– Я не вижу, как я могу это сделать.

– Я тебя научу, если только ты хочешь у меня научиться, – сказала с улыбкой Нефора.

– Учи, я охотно готов тебя слушать, – отвечал, также слегка улыбаясь, Зенон златокузнец.

– Сядь со мною рядом и слушай.

Зенон сел в стоявшее рядом другое кресло, а она взяла его за руку и сказала:

– Ты ведь дал слово не делать лишь новых уборов и не имеешь досуга на это. Я и просить тебя больше об этом не стану; но что ты скажешь на то, если можешь мне сделать удовольствие, не нарушая своего слова?

– Тогда я сделаю все, чтобы не огорчить тебя понапрасну.

– Я не хочу ничего больше: здесь со мной мой пестрый персидский ларец, в котором лежат все мои драгоценности. Там много есть разных прекрасных вещей, которых здесь, в Александрии, на мне не видали. Я привезла их для того, чтобы ты их рассмотрел и обдумал: не возможно ли их смешать и привести их в такое соединение, чтобы из них, по изящному вкусу Зенона, вышел не худший убор для Нефоры?

– Ты это очень хорошо придумала! – воскликнул Зенон златокузнец.

– Я очень рада, что ты меня одобряешь, и с своей стороны награжу тебя всем, чего только захочешь.

Зенон понял смысл этих слов о награде и, встав с места, сказал:

– За простой совет и за легкую помощь по силам моим никакой мне награды не нужно.

– Отчего же?.. Проси!.. Или… если ты горд, то доверь мне самой оценить, чем с тобой расплачусь.

– Нет, оставь это!.. Мне довольно будет того, что я могу доставить тебе радость…

– Хорошо, пусть будет по-твоему! Выйди же теперь к моему рабу, возьми у него мой ларец и принеси его сюда.

Зенон вышел, а Нефора погляделась в свое ручное зеркальце, которое было у кистей ее пояса, и улыбнулась довольною улыбкой.

Зенон возвратился с ларцем, который был не велик, но изящен и довольно тяжел.

– Благодарю, – сказала Нефора. – Теперь дай мне сюда на колени подушку и станем на ней раскладывать вещи.

Зенон исполнил и это, и когда золотые уборы и самоцветные камни в оправах были вынуты маленькою рукой Нефоры из ее узорного ларца и разложены ею по темной ковровой подушке, Зенон наклонился лицом к коленям гостьи и стал серьезно рассматривать амулеты, шпильки, браслеты и цепи, а Нефора меж тем рассматривала самого Зенона и любовалась грациозностью его движений и нежною прелестью его светло-русых кудрей, подстриженных и завитых на лбу по греческой моде.

Долго Зенон не мог ничего выбрать, но, наконец, взяв в руки один золотой амулет, изображающий солнечный диск с прямыми лучами, он задумался и потом соединил это с другим, меньшим диском, на котором было изображение сладострастной богини Ма, с ее закрытыми глазами. Зенон весело взглянул на Нефору и сказал ей:

– Ты совершенно права: из этих вещей можно составить такой прекрасный убор, который способен будет затмить все другие уборы. Ты надень эти браслеты змеями на голые руки. Твои руки прекрасны.

– Ты находишь, что они хороши?

– О да, твои руки прекрасны, и я бы охотно слепил их из воска.

– Что же, слепи. Я рада, что мое тело вдохновляет Зенона.

– Положи диадему с маленьким диском и богиню Ма на лоб, а большой диск укрепи на груди, чтобы лучи его утопали и местами бы вырывались из-под складок туники. Надень светло-зеленого цвета тунику или цвета зреющей вишни на солнце… Вишневый цвет тебе, кажется, больше будет идти в этом уборе… Жрец Ма всегда имеет посох из вишни…

– Как ты хорошо это знаешь. Ма тебя за это должна наградить, как богиня.

– Сейчас мы все кончим: я тебе все рассказал, что надо сделать. Ты понимаешь: надо тончайшие рясны[9] цепочек спустить с диадемы к лучам большого диска на груди, и ими тебя, как богиню, броней опоясать… И ты будешь сама, как Ма богиня, прекрасна.

– И ты мне все это сделаешь, Зенон?

– Нет, и тебе это не нужно. То, что нужно тебе, всякий другой сделает так же, как я, но я более не господин моего времени – я дал слово не брать никакой другой работы, и мне жаль, что я должен тебя огорчить.

– Ты не хочешь, так прощай же, Зенон.

С этим Нефора так быстро встала, что подушка соскользнула с ее колен и все драгоценности ее упали на ковер и рассыпались к ее ногам.

– Как ты неосторожна, – сказал Зенон и нагнулся к полу, чтобы подобрать рассыпанные вещи; но едва он начал распутывать из покрывала маленькую стройную ножку Нефоры, обутую в темную кожаную сандалию с золотым тиснением по краю подошвы, как нога эта скользнула и судорожно вытянулась.

Зенон склонился и, к удивлению своему, увидал, что все лицо Нефоры быстро покрывалось страшною бледностью, а прекрасные глаза ее меркли.

– Что с тобою? – вскричал он.

– Я не знаю, – тихо и медленно отвечала ему ослабевшим голосом Нефора. – Я ехала слишком долго в седле… я слишком устала… меня чересчур долго жгло палящее солнце, а здесь прохладно, я теперь вдруг себя чувствую дурно… Помоги мне, Зенон! Я задыхаюсь…

Она сделала движение, чтобы подняться, и заговорила еще скорее и тревожнее:

– Уведи меня! Здесь мускус… розы… жасмин… Все деревья здесь так сильно пахнут… Этот свет сквозь лиловую слюду раздражает меня… я его не сношу… я не привыкла к Египту… Света мне!.. воздуха!.. чистого воздуха дай мне скорее!

Вскрикнув это, она поднялась, взмахнула, как будто впотьмах чего-то искала, руками и с меркнущим взором тотчас же упала на руки Зенона.

Зенон подхватил ее, как дитя, на одну руку, а другою рукой дернул за шелковый шнур, и от движения этого шнура одна панель в красной стене его мастерской сейчас же раздвинулась. За нею открылся вход в

высокую, очень просторную комнату, куда встревоженный Зенон и пошел, держа на своих руках сомлевшую Нефору. Глаза ее были теперь совершенно закрыты, голова опустилась, и все тело ослабло.

Глава шестая

Комната, в которую Зенон внес Нефору, была совсем не похожа на ту, из которой он ее вынес. Это была большая, высокая столовая, стены которой были гладко отделаны кедром, издававшим самый тонкий и едва заметный здоровый, смолистый запах; в ней были четыре большие окна, из которых открывался широкий вид на меланхолический Нил, а по ту сторону вод в отдалении темнели спаржевые поля.

Через открытые сверху донизу окна и отпертую дверь на террасу сюда обильно тек чистый воздух, не насыщенный ничем раздражающим и наркотизирующим. Солнце не сверкало в глаза, и только синее небо да синие воды тихо отражали на всем свой ровный и спокойный оттенок.

Убранство покоя состояло из нескольких низких и широких диванов, покрытых мягкими стегаными матрацами из нежной овечьей шерсти, накинутыми сверху еще более нежными двусторонними египетскими коврами. Перед каждым диваном были поставлены маленькие столики и табуреты, а посередине комнаты помещался большой стол на львиных лапах, и на этом столе стоял завтрак, который приготовил Зенону ушедший праздновать таинства Митры служитель.

Зенон бережно опустил Нефору на один из диванов, до которого свободнее доходила струя воздуха, подложил ей под голову и под плечи подушки, расстегнул тунику на ее груди и выбежал в смежную комнату, где была его спальня. Отсюда он принес флакон с индийскою эссенцией и, капнув одну каплю этой эссенции на предсердие Нефоры, провел тихо рукою и подул, чтоб эфирная жидкость быстрее испарялась. Потом он облегчил голову гостьи и ослабил цветные ремни у ее сандалий.

Попечения его были успешны: едва он облегчил стяжки, стеснявшие тело Нефоры, и стал повевать на нее ее же большим опахалом, к ней начали возвращаться ее чувства и сознание – вскоре длинные ресницы ее стали шевелиться, а тонкие ноздри вздыматься

дыханием, и, наконец, оба ее изменчивые глаза неуловимого цвета открылись. Она обвела в недоумении незнакомый покой и спросила:

– Где я? – и, получив от Зенона ответ о том, где она и каким случаем попала в эту комнату, Нефора начала сожалеть, что наделала Зенону столько хлопот. Она укоряла себя, зачем пустилась в непривычный ей путь на муле, а не в носилках, и, протянув руку художнику, заключила:

– Прости мне то беспокойство, которое я тебе сделала.

Он просил ее, чтоб она об этом не думала, а она отвечала:

– Я не могу об этом не думать, потому что в этот несносный жар, мне кажется, я буду не в силах сделать обратно далекий путь на седле.

– И это тоже пусть тебя не беспокоит, – отвечал ей Зенон. – Тебе нет нужды терзать себя в такой жар на седле. Отдохни здесь у меня в прохладе, сколько тебе угодно, а когда тени на земле станут длиннее, я сам отвезу тебя спокойно до твоего дома на моей нильской барке, которая стоит здесь же у берега под моим садом.

Нефора благодарила его и осталась.

– Хотя мне это и совестно, – сказала она, – но ты сам видишь, как я ослабела. Я не могу ехать на своем муле и не должна посылать за носилками, чтобы не возбудить этим многих напрасных толков.

– Я все это понимаю, – отвечал Зенон, – и ты не беспокойся, ты не будешь предметом никаких толков. Моя пестрая барка со всех сторон окрыта густыми занавесами, и тебя никто не увидит, а я сам буду ею управлять.

– Это прекрасно, – отвечала Нефора, – но в таком случае пожалей и моего бедного мула и невольника, которые будут напрасно ждать меня на жаре у твоего дома.

– Это правда, – отвечал Зенон, – и если ты позволишь, я сейчас же отпущу домой и человека и бедное животное.

– Не откажи мне в этом, я прошу тебя.

– Охотно, – отвечал Зенон и сейчас же вышел, а Нефора приподнялась с дивана и подошла к одному из открытых окон. Перед нею открылся на пологом скате к реке прекрасно содержанный сад, разбитый по-египетски радиусами от центра, который обозначался фонтаном у небольшого обелиска из красного гранита, а в конце одной из дорожек была такая же гранитная лестница. К одному из столбов этой лестницы была прикована бронзовою цепью роскошная, очень

пестро, по-египетски раскрашенная нильская барка. На носу ее красовался огненно-красный крылатый грифон, а на корме завязанный в узел хвост какого-то морского чудовища. Посредине барки был паланкин, где на бронзовых прутьях висели в густых складках полы мягкой полосатой материи – синей с белым.

Нетрудно было понять, что это и есть нильская барка Зенона, на которой он любил вечерами кататься под клетчатыми шелковыми парусами по Нилу.

Она отличалась от всех других барок, стоявших у берега, не только по богатству, но и по изяществу отделки, в котором, как во всем окружающем Зенона, выражался его художественный вкус.

Он сам и все, что при нем есть, – все это было прекрасно и все пленяло Нефору, и она все более и более волновалась от прилива страстных ощущений.

Придя просто с тем, чтобы заставить художника сделать себе убор и в нем превзойти на палестре каких-то соперниц, Нефора сама для себя неприметно увлеклась вспыхнувшим чувством любви к красавцу Зенону и, никого до сих пор не любя, вся предалась необузданной страсти.

– Пусть, – говорила она, глядя на Нил, но Нила не видя, – пусть совершится судьба… Пусть, пусть это будет… Я собой не владею и владеть не желаю… Все, кто искал улыбки Нефоры, – судьба за вас всех нынче мне отомстила: я уязвлена страстью, я сегодня впервые люблю. Другой такой случай может не быть: я остаюсь здесь одна с ним, и хочу здесь сгореть, и сгорю в объятиях Зенона.

Глава седьмая

В то время, когда Нефора рассуждала таким образом, глядя в открытое окно на картину, которая застилалась от нее ее влюбленною мечтой, возвратился Зенон; он сказал ей, что и мул и немой проводник им уже отправлены домой, а самой Нефоре Зенон предложил сесть за стол и подкрепить себя пищей и прохладным напитком из воды и вина.

– Затем, – сказал он, – ты отдыхай здесь в покое, пока схлынет жар, а я буду работать.

Нефора на все согласилась, и когда они сели с Зеноном к столу и он просил ее испробовать мясо, фрукты и прохладное смешение из антильского вина с водой и ягодным соком, Нефора, по эллинскому обычаю, предложила выслушать от нее, кто она и откуда и зачем появилась в Египте.

Зенон от этого не смел отказаться и, чтобы не показать себя невежливым перед гостьей, отвечал ей:

– Повесть твоя усладит слух мой: говори, а я принесу воск и буду лепить из него то, что мне нужно, – и он принес воск и начал его мять на дощечке, а Нефора близко села с ним рядом и начала говорить о себе.

Она упомянула Зенону сначала о своей родине в далекой Фракии, откуда она была увезена в детстве в Антиохию и выросла там при беспрестанных тревогах по поводу быстрых и частых перемен в положении ее родителей, а потом она рассказала, как была отдана замуж за старого и очень безнравственного византийского вельможу, который понуждал ее к постыдным для женщины поступкам в угоду высшего вельможи, от которого зависело его служебное повышение, и как она воспротивилась этому и много за то претерпела, а потом, когда муж ее умер, оставив ей большое богатство, она, по любви к независимости и свободе, не захотела вернуться в свою эллинскую семью, ибо ей противна подчиненность безгласных в семье эллинских женщин, а переселилась из Антиохии в Египет, где женщины не находятся в таком порабощении, как у эллинов. Здесь она хочет быть госпожою своих поступков и сама надеется выбрать себе достойного мужа.

– Ты хорошо сделала, что соблюла свою непорочность, – отвечал ей уклончиво Зенон.

Она промолчала.

Зенон взглянул на нее и удивился, как изменчивый цвет ее глаз то разгорался, то гас, обозначая быстроту душевных движений.

Она еще колебалась, но страсть одолела и стыд и рассудок.

– Да, – сказала она, – но этих похвал я вперед не желаю, я молода и не хочу быть «богиней», как ты меня назвал: теперь я хочу быть любима так просто, как смертную женщину может любить простой, смертный мужчина. Да, я полюблю в тот же миг, как только увижу того, который может быть мил мне.

– Что же, ты, верно, его и найдешь.

Нефора опять замолчала; ноздри ее изящно выгнутого носа быстро двигались, а уста открывали белые зубы, но, наконец, она не выдержала и сказала:

– Я уже нашла его, Зенон.

– Вот и прекрасно: если он любит тебя, ты вступишь в супружество, и я желаю тебе быть счастливой.

– Благодарю за желание, – живо сказала Нефора, – но я слишком много страдала и слишком долго ждала этого, чтобы теперь ожидать еще дольше. Я томлюсь желанием скорее, в мгновенье, забыть мое горе в объятиях того, чьих лобзаний уста мои жаждут.

Она встала и с детскою, избалованною улыбкой бросилась к Зенону и закричала:

– К тебе, Зенон, к тебе, мой художник, влечет меня сердце и страшная сила рокочущей крови… Для чего ты встаешь? Куда ты отходишь? Дай мне любви, дай мне лобзаний, забвенья и счастья, или я потеряю рассудок.

Но Зенон ее не слушал; он отступил от нее и даже самый звук ее слов удалял от своего слуха, устраняя рукой и повторяя:

– Ты не знаешь, что ты говоришь. Опомнись! опомнись!..

– Я и знать не хочу ничего, кроме того, что я тебя полюбила!

Зенон вздвинул плечами и, сжав на груди свои руки, сказал:

– Несчастная женщина! ты в себе разум и стыд женский затмила!

– Возврати же скорее мне мой разум! – прошептала Нефора и, положив на плечи ему свои обнаженные руки, судорожно вздрогнула и замерла в поцелуе.

Зенон хотел ее отстранить, но в очах его помутилось, сердце упало, и он едва простонал:

– Нефора! Нефора!

А она меж поцелуев ему отвечала:

– Я не богиня, Зенон… Я страстная смертная женщина, Зенон… Лобзай же меня и дай мне скорей миг блаженства!

– Миг! – воскликнул Зенон. – Миг вместо союза на целую жизнь – это нечестное дело, Нефора… Отбрось этот миг и не дай мне несчастья унизить себя и тебя с собой вместе!

Нефора взглянула на него с гневом и сказала:

– Что это! ты оскорбляешь меня!

– Нет, я тебя возвышаю. Я чту в тебе женщину больше, чем эллин и сын Мицраима[10].

– Я не хочу слушать ничьих рассуждений, когда мне их не надо!

– Нельзя жить без рассуждения.

– Отчего?

– Ты не поймешь.

– Нет, я уже все поняла… Ты любишь другую.

– Ты ошибаешься: я не люблю никого так, как ты хочешь.

– Так ты, значит, глупец!

– Нет, я – христианин.

– Христианин!.. Ах, ты христианин! Так вот что!.. Христиане – это те, которых все презирают и гонят!.. Это те, которых учитель хотел, чтобы люди отрекались от счастья любить; но ведь это, Зенон, безрассудно – бороться с природой. Ее одолеть невозможно, да и зачем это нужно?.. Ты мой, Зенон, да? Ты пылаешь любовью ко мне, ты не в силах противиться мне, я люблю тебя, Зенон, я тебя призываю! – и с этим она рванулась к нему, и уста ее соединились с его устами.

Зенон почувствовал, словно море зашумело в его ушах и будто пламя блеснуло у него перед глазами: его клонило в ее объятиях, как клонит трость под дыханием бури, но вдруг на корме пробудился повелевающий волнам и буре. Зенон увидал его, отстранил от себя страстные руки Нефоры, рванулся к столу, и теперь Нефоре как будто блеснуло между нею и Зеноном… что-то как нож и кровавое пламя, а Зенон уже стоял и шатался, держась сзади руками за стол. По лицу его струилась кровь, а в глазу его стремила рукоятка ножа. Лезвие было в

глазе, а другой глаз глядел на Нефору с тихим укором, а уста, бледнея, шептали кому-то, но только не ей:

– Благодарю тебя, что ты не погнушался мной и явил свою власть над моей страстной природой. Мой глаз едва не соблазнил меня, но я сделал то, что ты повелел, и… теперь нет этого глаза.

Проговорив это, Зенон зашатался и упал, и нож вывалился из его раны, а кровь орошала его лицо и струилась на пол.

Нефора не издала ни одного звука: глаза ее, устремленные на Зенона, остолбенели в безмолвном ужасе, и она выбежала отсюда, оставив здесь и свое покрывало и все свои драгоценности.

Глава восьмая

Вышеописанное происшествие было делом самого короткого времени и случилось так неожиданно и было столь противоположно настроению Нефоры, что она совершенно растерялась и обезумела. Когда она опомнилась на воздухе, то увидела, что теперешнее собственное ее положение было очень затруднительно. О своих драгоценностях Нефора не вспомнила, но к ужасу, который охватил ее при виде того, что с ужасною твердостью сделал над собою Зенон, сейчас же присоединилась забота: как бы ей скрыться отсюда и возвратиться домой незамеченною? Она была далеко от своего дома, а проводник и мул были отпущены; слуги Зенона не было дома; пешком к себе Нефора не могла возвращаться потому, что ноги ее дрожали и подкашивались; кроме того, она стыдилась идти по улицам без покрывала в своем слишком красивом уборе.

Безотчетно, или, может быть, только с одним желанием избежать встреч на улицах, она бросилась через сад к берегу Нила, где стояла у пристани барка Зенона.

Здесь была полная тишина и безлюдье, но, окинувши глазом берег, Нефора заметила невдалеке низкую хижину, сбитую из топтанного тростника, смешанного с нильскою глиной. Она направилась к этому убогому жилищу и постучала рукой в окно. Оттуда выглянул человек, весь измаранный в угольной пыли. Он был египтянин.

Нефора дала ему золотой браслет с своей руки и сказала, чтоб он нашел какое-нибудь средство отвезти ее незаметно в город.

– Пожалуй, я могу это сделать, – отвечал египтянин, принимая ее дар, – если только ты согласишься плыть со мною в моей угольной барке.

– Хорошо, если нет другого способа, я согласна плыть в угольной барке, но я не хочу, чтобы меня в ней видели, а я потеряла мое покрывало.

– Там есть угольный мешок: я тебя прикрою.

– Но это ужасно.

– Да, он грязненек, и если ты его боишься, я положу на дно барки пустую кадку, и ты можешь согнуться и скрыть под нею свою голову.

Нефора на это согласилась.

Угольщик исполнил все, за что взялся, и Нефора совершила продолжительное и неудобное передвижение по Нилу в тяжелой и грязной угольной толстодонной барке, лежа под угольною кадкой. Едва лишь к вечеру достигла она своего жилища, куда взошла, дождавшись темноты, вся перемаранная грязью и угольною пылью. Нефора, разумеется, удивила всех рабов и рабынь своим возвращением в таком плачевно-бедственном виде и была в ужасном расстройстве; она сейчас же вымылась и слегла в постель, а ночью у нее началась горячка: она срывалась с кровати и начинала неистово бегать и плакать, рвала на себе свои прекрасные черные кудри, царапала щеки и, забыв осторожность, кричала:

– Мщенье Зенону! мщенье всем христианам!

Испуганные рабыни сочли ее за одержимую злым духом и призвали к ней знатную египетскую вспомогательную бабу Бубасту, которая долго смотрела в лицо ей и слушала ее безумные крики, а потом сказала Нефоре:

– Я вижу, какой-то змей уязвил твое сердце… Скажи мне, кто смел пренебречь твоею красотой!

– О да, я пренебрежена, – отвечала Нефора, – и я должна раздавить этого змея.

– Так и будет. Царь Амазис мудро изрек, что яд обиженной женщины острее змеиного яда. Кому хочешь мстить?

– Христианскому богу и всем христианам в Египте.

– Хорошо. Я сама горю мщением ко всем пришельцам в Египте. Мое имя – баба Бубаста, я нынче старуха, лекарка; но я была молода и любила; мой муж томится давно в каменоломнях Пилака, и сердце мое каждый день слышит, как он двигает гранитные глыбы, в цепях, которые наложил на него жестокий правитель… О, я ненавижу пришельцев и новую веру, я рада им мстить: я пойду искать яд и приду к тебе, госпожа, когда яд мой поспеет.

Происшествие с Зеноном имело последствием то, что ни одна из женщин, для которых он спешил окончить заказы, не получила ожидаемых уборов к палестре. Это была первая неисправность с его стороны, и служитель Зенона, перс, отнес щеголихам их камни и золото, объявив, что его господин, славный художник Зенон, имел большое несчастье потерять глаз и теперь долго не надеется

возвратить себе способность к работе. Потом перс явился также к Нефоре и доставил ей ее покрывало и ларец с ее драгоценностями.

Нефора была не рада возвращению своих вещей, потому что это заставляло ее опасаться: не откроется ли ее участие в ослеплении глаза Зенона, но перс не сказал ей ни слова, и она больше ниоткуда не слыхала ничего о Зеноне.

И художник и слуга его хранили о всем происшедшем молчание. Слуга, по всей вероятности, и вовсе не знал, как это несчастье случилось с Зеноном. Нефора никуда не выходила из своего дома, но в душе ее по-прежнему горели в темном смешении обида отвергнутой страсти и жажда отомстить за себя Зенону. Она не знала только, какое бы измыслить ему самое жестокое мщение. Она не раз вспоминала о той египетской знахарке, бабе Бубасте, которая обещала ей дать страшное средство отмстить ненавистным для них христианам, но думала, что Бубаста сказала это слово ей просто в утеху и потом позабыла о своем обещании. Но это было не так: старая египтянка ждала только времени и не упустила случая воспользоваться им, как только к тому представилась возможность.

Глава девятая

Прошел год. В это время много людей родилось и много умерло; одни дела людские вновь замышлялись, другие были окончены и позабыты. Было забыто и то, как к прошлым палестрам некстати и неизвестно от какого несчастья окривел всем в Александрии известный красавец художник Зенон златокузнец. Он долго болел, но потом поправился и теперь носил через голову на одном глазе голубую повязку, которая не только не безобразила его лица, но, казалось, придавала ему еще новую привлекательность. Зенон и при одном глазе работал так же изящно, как прежде, и опять все с тою же неизменною добросовестностью, которою дорожил ранее. Теперь он бы мог успеть сделать желанный убор для Нефоры, но антиохийка, разумеется, не обращалась ни с каким заказом к Зенону.

С нею с тех пор тоже кое-что случилось. Красота и богатство Нефоры не оставляли ее в затмении, и старый правитель Александрии, человек жадный и исполненный многих низких страстей, пожелал соединить Нефору браком с своим старшим сыном, который имел столь малый ум, что, побывав во многих отдаленных странах и истратив на это путешествие большое богатство, по возвращении своем не умел рассказать ни о чем им виденном, кроме как о величине яйца птицы строфокомила[11]. Отец, не желая второй раз награждать глупого сына, искал обеспечить его огромным богатством Нефоры посредством брака с нею, и Нефора, к совершенному удивлению многих, отвечала согласием на это искательство; но вскоре за тем, когда дала уже слово, она начала откладывать свадьбу день за день и не только сказывалась нездоровою, но и в самом деле сильно разнемоглась, и ни один из лекарей, которых присылал к ней правитель, не мог узнать, что у нее за болезнь и какими лекарствами можно помочь ей. Она ни на что особенно в своем здоровье не жаловалась, но вся изнемогала, лицо ее худело, глаза блекли, – она не занималась ни нарядами, ни плетением волос, ни надевала драгоценностей и не посещала знакомых и даже мало была в своих комнатах. Ей было несносно под крышей, и она искала уединения в саду, где все под стать ее расположению было грустно и как бы

дремало: фонтан бил лениво, пестрые бабочки перелетали с одного цветка на другой тоже лениво; но скоро и это начало беспокоить Нефору. Но вот настала еще иная пора. Садовые акантусы и желтые мимозы, живые ограды из разноцветной сирени, жасмина и роз, высокие пальмы, акации и бальзамовые деревья – все цвело, благоухало и жужжало, наполненное кипучею жизнью насекомых. Этот прилив жизни стал иначе смущать и тревожить Нефору; ей казалось даже, что золотые рыбки в каменном бассейне фонтана слишком живо и громко плескались. Нефора удалялась к обширному огороду и там, часто останавливаясь над грядами махрового мака, срывала с него пышные цветы и, обрывая лепестки их, клала их на ладонь, дула на них и ударяла другою ладонью, шепча тихо устами: «полюбит» или «нет»? И если маковый лепесток разрывался с треском, она улыбалась и расцветала душою, была весела, ела, спала и дарила наряды служанкам, но жениха своего к себе не впускала; если же лепесток вяло сжимался у ней между ладоней, она его сбрасывала с рук и тут же сама садилась на землю и долго и горько плакала навзрыд, как ребенок. Служанки не раз находили Нефору лежащею на черной земле между больших янтарных шаров, какими казались созревшие ароматные дыни, и отсюда служанки приносили свою госпожу домой в бесчувственном состоянии. Сначала они давали знать о тяжких припадках Нефоры правителю, и тот тотчас же присылал врачей и своего сына, но как искусство врачей оказывалось бессильным, а сына правителя Нефора совсем не желала видеть и даже тяготилась его приближением к ней издалека, то женщины, по суеверию своему, при новом жестоком припадке Нефоры опять призвали к ней бородатую бабу Бубасту с плоским лбом и большими ушами.

Баба омыла лицо ей нильскою водой и сказала:

– Яд, который змей излил в твое сердце, жесток, но ты должна быть сильна, чтоб отмстить и ему и всем христианам. Приближается время отмщения: старые боги Египта приходят нам на помощь, чтобы сгубить ненавистную новую веру. Мщение пришельцам пришло, близок конец для всех христиан в Александрии.

– Всех? – задумчиво переспросила Нефора.

– О да, всех или как можно больше, в том числе ведь будет раздавлен и змей, который отравил твою жизнь.

Нефора посмотрела на плоский лоб и на уши бабы Бубасты, и вспомнила другие лица старых египтян, ненавидевших христианскую веру, и, содрогнувшись, сказала:

– Я желаю отомстить за себя; но когда ты говоришь со мной об отмщении, мне страшно слушать. Ты стара – за что тебе их так ненавидеть?

– Ого!.. Я стара!.. Это правда, – отвечала, покачав головой, Бубаста, причем длинные и широкие серьги в ее ушах запрыгали. – Я стара, но я сказала тебе, мой старый муж томится в каменоломнях, я ем хлеб, который зарабатываю себе моими руками, и мои сыновья и сыновья моих дочерей тоже трудятся – из них есть ткачи, и канатчики, и кожевенники, и все они едва питались своими трудами, а христиане теперь завели у себя мастерские в особых огражденных местах, где они молятся, а другие их за это кормят, и они на даровом хлебе берут работу дешевле нашего… Наши руки не могут более доставать работою столько, сколько нужно на пропитание… Проклятие им, пора с ними расчесться… Старый Пеох видел, как черный ибис плясал на берегу, глядясь в воду. Запляшут они – скоро запляшут! Время отомщения близко. Цари Египта проснутся и встанут в своих пирамидах, скрепленных кровавым потом своих прежних рабов… Замечай… скоро уж водная ночь, а наш Нил не хочет поднять своих вод, чтобы оросить в этот год нивы Египта[12]. Глаза всех людей напрасно следят на раскаленном небе за полетом голубя с радостною вестью с верховьев, что вода начинает подниматься в Мемфисе…

– Да, – продолжала Бубаста, схватывая нежную руку Нефорис своей сильною и грубою рукой, – да, вода не поднимается. Цари Египта, которые спят в пирамидах Гизеха[13], не пускают к нам Нил за то, что мы дали волю жить у нас пришельцам, людям разных вер и особенно христианам, у которых ленивые люди находят себе пропитание в их общинах… Им хорошо, и они мешают нам делать работу за настоящую цену. Смерть им – смерть без пощады всем им, спускающим цену! Они слишком усилились, они завели здесь старейшин, – называют одного патриархом, другого епископом, – вера их входит в моду, и скоро, быть может, все знатные люди станут держаться их веры… но ты меня вовсе не слушаешь – тебе все равно, какие боги управляют Египтом, но народу нужно, чтобы с ним в добром согласии жил старый Нил. Когда Нил разольется и оросит

нивы Египта, тогда исчезнет унылость народа: тогда все пристани в устьях заблещут яркими флагами чужих кораблей; войдут большие египетские суда с отрадными изображениями ибисовых голов, и понесутся далеко песни звонкоголосых певцов с Дельты; для наших красавиц привезут роскошные ткани из Мальты, из Сардинии камни, с Кипра мед и вино, от эллинов масло, мастику и изделия из бронзы, и пестрые паруса из веселого Тира, и ливанские кедры, без которых нет материала для строек в безлесном Египте; а от нас купят дорогою ценой хлеб и тонкий папирус, и кружева из Саиса, и мемфисские колесницы, которых нет прочнее и легче на свете… Но не разливается Нил, и вот, вместо всего этого оживления, нынче все охватило сном смерти: река что день больше мелеет, – начинается общий страх голода, и люди уже стали болеть за Мемфисом. Вчера еще прилетел голубь с известием, что за Сауном и в Фивах пошли темные пятна на людях – страшное бедствие близится; через три дня настанет водная ночь, и если в эти три дня и три ночи не захочет священный наш Нил подниматься, то мы поднимем народ и все пойдем к правителю, чтобы он повелел выйти от нас христианам, или мы бросим их в Нил, и тогда это будет для всех для них отмщение. Но ведь ты, может быть, не хотела бы, чтобы они все до одного потонули? Ты одного, может быть, хотела бы оставить на свете?

– Да, – отвечала Нефора, – я бы хотела оставить одного из христиан дольше других на земле, но для того только, чтобы он видел посрамление и гибель других и только тогда бы погиб, когда я наслажусь над ним моим мщением.

– Расскажи мне, чем он оскорбил тебя, и я пойду к тайным жрецам, и мы тогда изберем ему страшное мщение, а твоим словом дорожит правитель; ты изукрась себя лучшим убором, пойди к нему, плачь за народ наш и проси его сделать, что мы тебе скажем, и мщение твое совершится над тем, кто тебя оскорбил, и над всеми людьми его веры.

Нефора же находилась в таком страшном расстройстве, что как бы в забытьи рассказала бабе Бубасте все, что было у ней год назад в жилище Зенона.

Баба Бубаста, выслушав повесть, всплеснула руками, и серьги у ней опять зазвенели, болтаясь по щекам.

– Боги! – воскликнула баба, – виданное ли дело, чтобы человек чужеверец смел бы так дерзко отвергнуть квитовое яблоко[14], которое подала ему такая красивая женщина? Отказаться от этого для какого-то учителя, который отнимает у людей лучшие сладости жизни! Это безумие! Ты отмщена будешь страшно, Нефора, и едва только три дня пройдет, как это случится. Будь дома и верь мне, что как я сказала, так и будет.

С этим баба Бубаста покрылась темным коричневым платом и удалилась.

Глава десятая

Баба Бубаста простилась с Нефорой и, опираясь на палку, прошла через Ворота Луны и Хептастаду на остров Фаррос, где на северном берегу у пристани Морских Разбойников жили звездочеты – любители всякой мудрости, о которых говорили, что они знают тайные науки и могут видеть то, что от прочих обыкновенных людей сокрыто в природе. Здесь, на этом Фарросе, ближе к молу Александра, жили те, которые переводили на греческий язык священные книги евреев, и здесь же ближе к пристани разбойников жили те, которые считали библейские книги за собрание недостойных жидовских выдумок. И вот тут-то, в отдалении, у самого северного берега жил одиноко, в просторной пещере, темнолицый мемфит[15]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

---

notes

Примечания

1

Палестра (греч.) – частная гимнастическая школа в Древней Греции, где занимались мальчики с 12 до 16 лет.

2

Дафна (греч. – лавр) в греческой мифологии – нимфа, дочь речного бога Пенея и Геи. Убегая от преследовавшего ее Аполлона, была укрыта матерью и превращена в лавровое дерево.

3

Удолье – речная долина.

4

Амаликиты, или амаликитяне – древнее кочевое племя в степях каменистой Аравии. Главные кочевья амаликитян были между Египтом и синайской степью.

5

Диарит (диорит) – магматическая горная порода; цвет от серого до зеленовато-серого.

6

Египетский царь*Амазис II* (годы царствования – 570–526 до н. э.) с большим уважением относился к греческой культуре, поощрял сближение Египта с Грецией. *Феодор* – талантливый греческий художник, живший в эпоху Амазиса II и часто бывавший в Египте.

7

Кефье – шелковый платок с темными полосками на светлом фоне.

8

Ристанье – состязание.

9

Рясны (ря́сно) – ожерелье или подвески.

10

Мицраим – древнееврейское название Египта.

11

Строфокомил (греч.) – страус.

12

«Водная ночь» 27 июня. (*Прим. автора*.)

13

Гизех, или Гизе – местность на левом берегу Нила, почти напротив Каира, знаменитая большим количеством пирамид.

14

Квитовое яблоко – айва; служило у египтян символом любви.

15

Мемфит – житель или уроженец города Мемфиса, древней столицы Египта.